

*П.А. Лапин**

Пекинская Школа русского языка при Китайско-восточной железной дороге (1899–1912)

АННОТАЦИЯ: В конце XIX — начале XX вв. китайские власти повсеместно открывали школы русского языка и перевода с целью подготовки своих специалистов для обеспечения российского направления китайской внешней политики. Такие учебные заведения создавались в основном при помощи находившихся в Китае россиян, из числа которых в том числе нанимались преподаватели. Важной инициативой столичных администраторов в этой связи стала пекинская Школа русского языка при КВЖД, которая готовила переводчиков русского языка, столь необходимых для нормального функционирования железнодорожной инфраструктуры. Это учебное заведение стало одним из наилучших в истории русистики в Китае, благополучно работало и после революционных событий в этом государстве в 1912 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Цинская империя, русский язык в Китае, иностранное образование, российско-китайские гуманитарные связи.

Во второй половине XIX — начале XX вв. Россия проводила активную внешнюю политику на Дальнем Востоке и прежде всего в отношении Цинской империи, являвшейся тогда центром соперничества мировых держав. Общая протяжённая граница с этим государством предоставляла неоспоримые преимущества в геополитическом плане, чем пользовались российские власти. В 1896 г. в Москве между двумя государствами был подписан Союзный договор и в том же году в Берлине специальный Контракт на постройку Россией на

* Лапин Павел Андреевич, к.и.н., руководитель группы гуманитарного сотрудничества и информации Посольства России в Китае; E-mail: waijiao2000@mail.ru

Северо-Востоке Китая железной дороги, протяжённостью более 2,5 тыс. км, впоследствии получившей название Китайско-восточной железной дороги [15, с. 73–77].

Возведение КВЖД (1897–1903 гг.) стало одним из важнейших стратегических решений царской администрации, позволивших более эффективно отстаивать национальные интересы в регионе. «Транзитная магистраль предоставила большие преимущества России», появилась возможность «решения военных, экономических и политических задач». Был создан «наиболее короткий рельсовый путь между европейской частью России и Дальним Востоком», в связи с чем «расширился торговый обмен с Китаем», начали развиваться «промышленность, сельское хозяйство и на русском Дальнем Востоке, и в Маньчжурии» [10, с. 132].

По мере строительства железной дороги росло количество китайских служащих, вовлечённых в эту работу. Поддержание контактов с ними отвечало интересам российских властей и всячески ими поощрялось: «Что же касается китайцев, — справедливо отмечал в то время министр финансов России С.Ю. Витте, — то препятствование им селиться и приобретать участки в полосе отчуждения, вблизи дороги, проходящей в пределах Китая, совершенно изолировало бы дорогу от того района, который она призвана обслуживать... Наоборот, безусловно в интересах дороги укрепить связи с нею тех из китайцев, которые уже и ныне находятся к ней в том или ином отношении — в качестве подрядчиков, торговцев или ремесленников» (цит. по [13, с. 48]).

Сближение с китайскими подданными предоставляло хорошие возможности для проведения в их среде выгодной российской стороне разъяснительной политики, реализацию которой планировалось наладить в том числе по линии образовательных учреждений. Россия убедительно демонстрировала технологические преимущества, экономический и административный потенциал, что было в интересах формирования в приграничье лояльно настроенной к нашему государству прослойки людей.

В организации обучения местных служащих и их детей русскому языку также имелась и большая практическая необходимость: «На каждой станции, в каждой службе служащим постоянно приходится сталкиваться с китайцами. Выдать билет, принять груз, разгрузить вагон — всего не перечесть: на каждом шагу необходимо разъясняться с китайцами и притом скоро, потому что поезд не ждёт, и хорошо, чтобы не было недоразумений» [1, л. 155–155об]. По мере строительства дороги хозяйственные службы, конечно, обзаводились китайскими переводчиками русского языка, но, как верно сообщал весной 1900 г. из Пекина известный китаист и японист Д.М. Позднеев

(1865–1937)¹, «у наших инженеров какие-то отребья вместо переводчиков. Прямо смотреть страшно, что за китайцы, а именуют себя старшими переводчиками... Если бы хоть один десяток хороших китайцев пустить, то и то было бы спасением» [5, л. 413].

Несмотря на большую потребность в переводчиках русского языка, наши власти не торопились создавать для китайских подданных развёрнутую образовательную инфраструктуру. Видимо, основные усилия в то время пока были сосредоточены на организации школьного дела для детей россиян-служащих КВЖД². В первые два десятилетия XX в. в Харбине и вдоль линии функционировало лишь несколько начальных школ, где вместе с российскими детьми также обучались и китайские³.

¹ Подробнее о нём см., например: [9, с. 545].

² С 1898 по 1917 гг. в Харбине и вдоль полосы отчуждения в Маньчжурии для детей российских служащих было открыто 22 железнодорожных школы, 50 начальных школ, мужское и женское коммерческие училища, торговая школа и технические курсы при Харбинских железнодорожных мастерских, 2 частные женские гимназии, частное мужское учебное заведение первого разряда, 5 частных начальных школ и школа-приют. В Харбине действовало три библиотеки и несколько учебных обществ. Подробнее см., например: [4, л. 16–50; 7, с. 67; 10, с. 133; 13, с. 209–210; 14, с. 33–43; 16, с. 128; 19, с. 186]. В учебных заведениях велась большая культурно-просветительская работа, на их базе действовали творческие студии и кружки, выпускались журналы и стенгазеты. Учащимся демонстрировалось кино, уделялось большое внимание их физическому здоровью — во всех учебных заведениях в обязательном порядке были предусмотрены уроки физкультуры. Подробнее о внеклассной работе в российских начальных учебных заведениях см., например: [18, с. 27–32]. В общеобразовательных заведениях преподавание велось по программе ускоренного производственного обучения российского Министерства народного просвещения (данная методика получила широкое признание за рубежом, в 1876 г. на Всемирной промышленной выставке в США была отмечена золотыми медалями), в торгово-коммерческих — строилось по учебным планам Министерства торговли и промышленности [11, с. 234]. Всеми учебно-образовательными, административно-финансовыми вопросами ведал специально учреждённый в 1906 г. при Управлении КВЖД Учебный отдел. Подробнее о его деятельности см., например: [12, с. 16–18].

³ Первым таким учебным заведением, открывшимся ещё в 1898 г. в Харбине, стала так называемая Старохарбинская начальная школа, где её первый учитель И.С. Степанов, составивший весьма дефицитный в то время букварь, «положил начало совместному обучению русских и китайских детей». При открытии школы в неё были зачислены 32 китайских подростка в возрасте от 12 лет и молодые люди до 20 лет [7, с. 62].

Более активная работа по обучению местных подданных русскому языку начала вестись лишь в 20-х гг. XX в. В 1922 г. Учебный отдел дороги учредил две китайские начальные школы⁴. После установления дипломатических отношений между СССР и Китаем в 1924 г. и переходом дороги в совместное управление двумя странами, открытие учебных заведений для китайских граждан начало набирать обороты. До 1924 г. в общей сложности функционировало 10 школ, в которых обучались 714 китайских учащихся [10, с. 133]. К 1926 г. количество начальных школ достигло 16, а объём их финансирования увеличился на 74%, составив порядка 340 тыс. руб. (российских в том же период — 1,6 млн руб.) [10, с. 134–135]. В школы принимали китайских детей начиная с шести лет.

Кроме начальных школ, в Харбине также действовали училище «Пу-юй» и «Юбилейное техническое училище имени первого Председателя Правления дороги Сюй Цзиньчэна». Для взрослых служащих китайцев были открыты курсы русского языка на базе училища «Пу-юй» и китайской школы при Главных механических мастерских [18, с. 33]. В 1926 г. в Харбине и вдоль линии железной дороги в общей сложности функционировало 100 разных учебных заведений для китайских граждан, в которых проходили обучение 13 814 местных учащихся и работали 680 преподавателей [18, с. 39]. Некоторые из образовательных учреждений, как, например, открытый в 1920 г. Русско-китайский техникум, приобрели большую популярность среди китайских слушателей и впоследствии превратились в лучшие научно-образовательные центры Северо-Востока Китая⁵.

С целью более широкого распространения русского языка на Северо-Востоке Китая в некоторые российские школы и училища принимали китайских детей и подростков, родители которых не были задействованы на КВЖД (в 1926 г. таких было 24,3%) [18, с. 33].

Китайские слушатели, судя по всему, учились весьма старательно: «Приятно отметить, — в частности, сообщалось в газете „Харбинский вестник“ об успехах китайских учащихся в Коммерческих училищах,⁶ — что в такой сравнительно короткий промежуток

⁴ По другим данным, учебные заведения для китайских учащихся начали появляться ещё с начала XX в. Так, в 1902 г. в Харбине действовала вечерняя школа русского языка, а в 1903 г. начала вести работу Образцовая русско-китайская школа. См.: [8, с. 579].

⁵ Указанное училище в апреле 1922 г. было преобразовано в Харбинский политехнический институт (совр. Харбинский политехнический университет). Подробнее см.: [17, с. 115–118].

⁶ В 1911–1912 гг. там было открыто две группы для мальчиков и девочек.

времени, как два года, китайские ученики и ученицы, не знавшие ранее ни одного слова по-русски, настолько подготовились, что смогли обучаться общеобразовательным предметам совместно с русскими учащимися» (цит. по: [13, с. 48]).

Обучение в школах и училищах для китайских слушателей велось в соответствии с учебными программами китайского Ведомства по делам просвещения, блок российских дисциплин формировался российской стороной. При этом стоит отметить, что практически все учебные заведения носили общеобразовательный характер, железнодорожных училищ, где бы могли обучаться китайские слушатели, российские власти не открывали, хотя для российских учащихся такие учебные заведения существовали, да и у самих китайцев к тому времени уже имелся некоторый опыт по подготовке железнодорожников.⁷

В период строительства и последующей эксплуатации КВЖД большую потребность в китайских служащих со знанием русского языка, видимо, ощущали и китайские власти, однако, если российская администрация по объективным причинам приступила к решению вопроса обучения китайских подданных нашему языку лишь в 20-х гг. XX в., то китайские руководители задумались об этом гораздо раньше. Наиболее перспективным китайским учебным заведением в системе КВЖД стала открывавшаяся в 1899 г. при пекинском отделе Правления железной дороги Школа русского языка при железной дороге восточных провинций (кит.: *Дуниэн телу эвэнь сюэтан*, 东省铁路俄文学堂). Учебное заведение было учреждено по инициативе чиновника Главного управления по делам всех государств, председателя правления Общества КВЖД Сюй Цзиньчэна,⁸ ставшего его первым попечителем и фактическим руководителем. В апреле 1899 г. он направил на имя двора доклад с предложением создать школу, прошение было рассмотрено и поддержано прогрес-

⁷ Ещё в 1888 г. на базе Бэйянского военного училища (кит.: *Бэйян убэй сюэтан*, 北洋武备学堂) была сформирована первая в истории Китая группа по подготовке железнодорожников. В 1896 г. решением императора Гуансюя открылось первое самостоятельное профильное учебное заведение — Бэйяньское государственное железнодорожное училище (кит.: *Бэйян телу гуань сюэтан*, 北洋铁路官学堂). С 1898 г. повсеместно начали создаваться железнодорожные школы, в том числе заложенная в 1898 г. в Харбине первая женская железнодорожная школа. Подробнее о железнодорожных учебных заведениях в Китае см., например: [22, с. 323–324; 24, с. 55–58; 26, с. 116–120].

⁸ Назначен на должность председателя правления указом императора Гуансюя 11 января 1897 г. См.: [3, л. 25].

сивным императором Гуансюем. В июне двор выделил финансирование, школа начала свою работу [27, л. 1–1об]. Её цель заключалась в «обучении китайских учащихся русскому языку для службы на [Китайско-Восточной] железной дороге» [29, цз. 153, чжи 128, банцзяо 1, с. 4511].

Появление в китайской столице нового образовательного учреждения по преподаванию русского языка было положительно воспринято находившимися в тот момент в Пекине россиянами. «Вы читали об основании китайским правительством при нашем отделе [правления железной дороги] Русской школы... к нам сюда прибывают два учителя в нашу школу... для преподавания русского языка», — в частности, в августе 1899 г. писал из Пекина Д.М. Позднеев [5, л. 96об].

В административном плане школа являлась средним учебным заведением с пятилетним сроком обучения. В 1906 г. китайскими властями была предпринята попытка преобразовать «помянутое учебное заведение в высшую школу переводчиков» [1, л. 36об], но реализовать поставленную задачу так и не удалось. Учебное заведение по-прежнему имело статус средней школы, работа которого строилась на основе принятого в 1902 г. Устава средних школ (кит.: *Чжунсюэ тан чжанчэн*, 中学堂章程) [20, с. 394]⁹.

В архивных материалах не сохранилось информации о том, какие требования предъявлялись к абитуриентам при зачислении в учебное заведение. Но, судя по всему, как и в иных средних школах, туда принимались дети в возрасте от 14 до 25 лет, окончившие высшую ступень начальной школы [30, с. 276]. На первый курс школы при КВЖД планировалось набрать 60 учащихся (сколько же в итоге было записано в слушатели — неизвестно) [31, с. 171]. Применительно к приёму абитуриентов стоит сказать, что учебное заведение никогда не испытывало трудностей и там всегда были ученики. Так, например, в 1908 г. там на пяти курсах в общей сложности обучались 110 человек, а в 1910 г. — уже 120 [1, л. 191]. При необходимости учащихся распределяли по нескольким группам (это относилось больше к поздним годам работы школы) [32, с. 110]. Свои знания слушатели подтверждали на экзаменах, главным из которых был выпускной экзамен, принимавшийся комиссией китайского внешнеполитического ведомства [32, с. 110]. Учащиеся были на полном иждивении учебного заведения, им выплачивалась месячная

⁹ Не исключено, что именно для школы КВЖД срок обучения был продлён, так как в соответствии с этим документом срок обучения в школах средней ступени составлял четыре года. См.: [30, с. 272].

стипендия [20, с. 394–395]. Учебный год делился на два семестра, летом предусматривались продолжительные каникулы.

Ученики, по свидетельствам современников, учились весьма старательно. «После полугодовой работы некоторые китайцы показали чудные успехи в языке, а особенно в письме и знании пройденного, — сообщал цитируемый выше Д.М. Позднеев. — В этом отношении школой я очень доволен, и как очень хочется доказать, что в три года возможно выпускать довольно удовлетворительных переводчиков русского языка» [5, л. 413].

Школа была укомплектована штатом российских и китайских преподавателей. Наиболее яркой фигурой из россиян был старший преподаватель школы, чиновник особых поручений Министерства финансов, надворный советник Яков Яковлевич Брандт (англ.: J.J. Brandt, кит.: 卜郎特, 1869–1946)¹⁰. Одной из его главных заслуг в области распространения русского языка в Китае стала предпринятая в 1907–1908 гг. по инициативе российского посланника в Пекине Д.Д. Покотилова поездка по Китаю с целью упорядочения «дела преподавания русского языка на первое время хотя бы только в существующих уже школах» [1, л. 150б]. Подготовленная по итогам инспекции «Ведомость, подлежащих русской инспекцией китайских школ, в коих преподаётся русский язык» расширила представление российских властей о преподавании нашего языка в Китае, позволила предпринимать конкретные действия по улучшению работы школ с русским языком, повысить качество и уровень преподавания [1, л. 128–132об].

Во время работы в школе Брандт разработал серию дидактических материалов, применявшихся им при преподавании русского языка. В 1915 г. на их базе был подготовлен и издан трёхтомный учебник по русскому языку для китайских учащихся — «Почин. Опыт учебной хрестоматии для преподавания русского языка в начальных китайских школах» [8, с. 585]. Россиянин, судя по всему, работал весьма старательно, за что в 1909 г. цинский двор наградил его орденом «Двойного дракона» первой степени третьего класса [23, цз. 13, с. 246].¹¹

¹⁰ Подробнее о нём см.: [9, с. 546; 28, с. 53–54; 33, с. 487–493].

¹¹ Орден «Двойного дракона» (или дословно «Драгоценная звезда Двойного дракона») был наивысшей государственной наградой Цинской империи, с начала 1862 г. вручаемой иностранцам, внёсшим значительный вклад в развитие и укрепление Китайского государства. С 1908 г. орден начали вручать китайским подданным. В начале XX в. этой наградой были удостоены некоторые россияне, оказавшие цинским властям содействие в лик-

Кроме Брандта, до сентября 1908 г. в школе трудились выпускники Восточного факультета Санкт-Петербургского университета — некие Базаров и Вейншток. В 1910 г. они были заменены новыми учителями: вместо Базарова был зачислен Верёвкин¹², а место Вейнштока занял переведённый из областной школы «Юй-цай» в г. Чифу, в которой также преподавался русский язык, выпускник Восточного института некий Чирсков [1, л. 131об, 190]. Российские преподаватели выбирались и назначались пекинским отделением Правления КВЖД [1, л. 192].

Вместе с россиянами в школе также преподавали и китайские учителя. По штатному расписанию от 1910 г. там работали семь китайских помощников российских наставников и несколько китайских преподавателей [1, л. 191–191об]. Судя по всему, учительствовали они весьма старательно и качественно: «Знаешь ли ты, — писал в марте 1900 г. Д.М. Позднеев, — что из *Бракмана* (видимо, монгольский преподаватель школы. — *П.Л.*)¹³ вырабатывается очень солидная личность. У него столько правильной заправки к работе, столько энергии, усидчивости и желания делать дело, что просто душа радуется глядя на его работу. Он состоит у нас учителем...» [5, л. 96об]. Кроме монгола, на должность помощника преподавателя был приглашён хорошо известный в дипломатических и переводческих кругах выпускник русского отделения пекинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань маньчжур Такшена, а также знавший русский язык некий Жуйдинчэн [25, с. 813; 31, с. 171].

Администрация учебного заведения состояла из попечителя и двух заместителей директора, назначавшихся из числа чиновников китайского внешнеполитического ведомства [1, л. 192]. После тра-

видации последствий восстания «ихэтуаней». Вручённый Брандту орден был весьма высокого класса: в соответствии с «Правилами по награждению иностранцев орденом „Двойного дракона“», орденом первой степени третьего класса награждались иностранные адмиралы, маршалы, министры и посланники иностранных государств.

¹² Верёвкин проработал в учебном заведении как минимум до 22 апреля 1913 г. В архивах сохранилось прошение о зачислении его на «государственную службу по Общей канцелярии министра финансов, с оставлением при исполнении нынешних обязанностей» «второго преподавателя русского языка в русско-китайской школе в Пекине». Как следует из ответа Министерства финансов, в назначении россиянину в это ведомство с сохранением преподавательской должности было отказано по причине того, что «школа ныне никакого отношения к Министерству финансов не имеет». См.: [2, л. 1].

¹³ Как сообщал Позднеев, при учреждении школы с наймом китайских учителей имелись трудности, «но монголы имеются, поэтому для будущего следует иметь в виду и Калган». См.: [5, л. 408].

гической гибели летом 1900 г. первого настоятеля школы Сюй Цзиньчэна¹⁴, учебное заведение, по всей видимости, вплоть до 1912 г. оставалось без попечителя.

Судя по учебной программе, школа являлась скорее гуманитарным учебным заведением, хотя с учетом целей должна была готовить кадры для системы КВЖД, что предполагало изучение технических дисциплин. Там было организовано преподавание русского языка, географии России, истории России, разъяснялись российско-китайские договоры и соглашения, ученики также изучали «краткие сведения об административном устройстве и законодательстве России, основы государственного права и международного права» [1, л. 191]. Все эти учебные предметы на русском языке толковали российские преподаватели и их помощники, «на китайском языке [учащиеся] проходили полный курс средней школы» — арифметику, физику, химию, им разъяснялись классические этико-философские произведения, предусматривались занятия физкультурой [1, л. 191; 30, с. 273–275].

Какие учебные пособия использовались при преподавании школьных курсов, связанных с Россией, неизвестно. Русскому языку обучали по методическим разработкам Я.Я. Брандта. Кроме этого, в качестве учебных материалов применялись выполненные учащимися письменные контрольные и экзаменационные задания. Российские наставники тщательно проверяли ответные листы, после чего они копировались и использовались для разъяснения основ русского языка и грамматики, по ним же отрабатывались типичные ошибки, которые допускали слушатели [32, с. 110].

Первоначально учебное заведение финансировалось совместно. Часть средств вносилась по линии российского Министерства финансов через Общество КВЖД, часть — за счёт китайского внешнеполитического ведомства. Однако не ранее 1910 г. все финансовые затраты на содержание школы были отнесены на счёт китайского Министерства внешних связей (кит.: *Vaiyu bu*, 外務部). Надо сказать, что на деятельность школы отпускались весьма приличные суммы: при её открытии объём выделяемых ассигнований составлял 12 тыс. лян в год, а с 1903 г. по просьбе российской стороны «китайцы увеличили школьное пособие до 25 тыс. лян» в год [1, л. 190]¹⁵.

¹⁴ Сюй Цзиньчэн был казнён 28 июля 1900 г. по ложному обвинению в антигосударственной деятельности.

¹⁵ Это был довольно большой объём финансирования: например, в то же время годовое содержание Хуньчунской школы русского языка (образована в Хуньчуне в 1888 г., с 1900 г. переведена в Гирин) составлял всего 2,6 тыс. лян серебра в год. См.: [6, л. 12].

Хорошее финансирование позволяло назначить российским преподавателям высокое жалование. Так, упоминавшемуся выше старшему преподавателю школы Брандту выплачивалось 3,6 тыс. лянов серебра в год, двум остальным несколько меньше — 2,7 тыс. и 2,1 тыс. лянов в год [1, л. 131об].

Выпускники учебного заведения распределялись на вакантные должности в китайских органах власти и системе КВЖД, в том числе Русско-китайском банке, они также могли продолжать обучение в учебных заведениях более высокой ступени¹⁶. Например, среди 12 выпускников 1910 г. «шестеро лучших командированы *Вай-у-бу* (Министерство внешних дел. — П.Л.) на казённую службу в Маньчжурию» [1, л. 191], а четырьмя годами ранее правление упомянутого выше банка ходатайствовало о командировании двух особо успешных выпускников в Санкт-Петербург для работы в центральном управлении этого финансового учреждения [1, л. 37].

Свою деятельность школа при КВЖД продолжила и после Синьхайской революции в Китае в 1912 г., в результате которой государственный аппарат и многие службы, в том числе учебно-образовательная система, претерпели значительные изменения. В 1912 г. школа была преобразована в Специальное училище русского языка при МИД (кит.: *Вайцзяобу эвэнь чжуаньсю гуань*, 外交部俄文專修館)¹⁷. Начался новый этап работы этого образовательного учреждения, которое заметно преобразилось: туда начали набирать до 150 подростков в возрасте от 14 до 22 лет, значительно расширился перечень урочных дисциплин (см. подробнее: [21, л. 1–25об]).

Такова была история Школы русского языка при КВЖД. Она стала первым учебным заведением, созданным пекинскими властями в системе КВЖД для китайских учащихся. Несмотря на то, что это учебное заведение было учреждено по инициативе китайской сто-

¹⁶ В соответствии с Уставом средних школ, выпускники средней школы имели право поступать в полную среднюю школу (кит.: *гаодэн сюэтан*) или в профессиональные училища (сельскохозяйственное, торговое, ремесленное и медицинское). См.: [30, с. 276].

¹⁷ На этом реформирование учебного заведения не закончилось. В 1922 г. оно получило название Пекинская специальная юридическо-политическая школа русского языка (кит.: *Бэйцзин эвэнь фачжэн чжуаньмэнь сюэсяо*, 北京俄文法政专门学校), которая в 1927 г. была преобразована в Специальную юридическо-политическую школу при Министерстве иностранных дел Бэйянского правительства (кит.: *Вайцзяобу фачжэн чжуаньмэнь сюэсяо*, 外交部法政专门学校). Наконец, в 1928 г. это учебное заведение перестало быть самостоятельным и вошло в состав Пекинского университета. Подробнее см.: [25, с. 813–814; 31, с. 171–175].

роны, российская администрация в Пекине внесла заметный вклад в его развитие и профессиональное укрепление.

Учебным процессом фактически руководил старший преподаватель Я.Я. Брандт, доверенное лицо посланника в Пекине Д.Д. Покотилова. Российский преподаватель, будучи инспектором китайских учебных заведений с русским языком в Китае, применял накопленный в ходе ознакомительных поездок по империи административный опыт в интересах модернизации учебного дела в школе при КВЖД. Брандт разработал учебные пособия для преподавания русского языка, с которыми тогда в российско-китайских школах было весьма сложно.

Приглашённые учителя из россиян имели довольно высокий образовательный ценз, являлись выпускниками лучших востоковедных вузов России, владели китайским языком, столь необходимым для качественного преподавания иностранцам русского языка. Они заложили стабильную базу для развития учебного заведения в будущем, превратив его в один из ведущих столичных центров по подготовке русистов, работа которого не была приостановлена даже вследствие революционных событий в Китае в 1912 г.

Преобразованное после революции училище продолжило подготовку специалистов со знанием российской тематики, демонстрируя при этом неплохие результаты: если в 1914 г. учебное заведение окончили всего 10 человек, то в 1917 г. — уже 25 человек [20, с. 395]. Наконец, главным подтверждением высокого качества преподавания в пореформенном училище стало включение его в Пекинский университет — самое авторитетное высшее учебное заведение в современном Китае.

При всех успехах школа русского языка имела и недостатки. Она продолжала оставаться узкоспециализированным учебным заведением, где учащимся преподавали русский язык и знакомили с ситуацией в России. Это не в полной мере соответствовало статусу школы, которая была открыта при российской железной дороге и могла бы готовить специалистов-железнодорожников со знанием русского языка. Как указывалось, в то время в Китае уже существовали железнодорожные училища, поэтому при желании можно было бы наладить преподавание в школе ряда специализированных технических дисциплин, изучение которых позволило бы её выпускникам быть более востребованными на КВЖД. Да и вообще в американских и европейских учебных заведениях, повсеместно открывшихся в Китайской империи, уже давно наравне с иностранными языками было налажено преподавание технических, естественных и гуманитарных дисциплин.

Как бы то ни было, школа русского языка при КВЖД была одним из наиболее успешных учебных заведений по преподаванию русского языка в Китае в то время, впоследствии получивших высокий статус дипломатической школы. О важности этой образовательной структуры для тогдашних китайских властей убедительно говорит также и тот факт, что данные о ней были включены в придворные исторические писания, такие как «Черновая история династии Цин» и «Хроники Сюаньтун».

Литература и источники

1. Архив внешней политики Российской Империи (АВП РИ). Ф. 143 («Китайский стол»), оп. 491, д. 2042 («Проект Посланника в Пекине Покотилова учредить в Китае русские школы. О получении молодыми китайцами высшего образования за границей вообще»), 1899–1911.
2. Архив внешней политики Российской Империи (АВП РИ). Ф. 143 («Китайский стол»), оп. 491, д. 2050 («Русская школа в Пекине и деятельность Я.Я. Брандта»), 1913–1915.
3. Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. Р-831 («Общество единения народов маньчжурской империи “Кио-ва-кай”»), оп. 2, д. 30 («Хронологический указатель событий по истории города Харбина»), 1 января 1895 — 31 декабря 1900.
4. Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. Р-831 («Общество единения народов маньчжурской империи “Кио-ва-кай”»), оп. 2, д. 31 («Хронологический указатель событий по истории города Харбина»), 1 января 1901 — 31 декабря 1906.
5. Российская национальная библиотека (СПб.). Отдел рукописей (РНБ ОР). Ф. 590 («Позднеевы Д.М. и А.М.»), ед. хр. 112 («Позднеев Дмитрий Матвеевич; письма и телеграммы»), 1899–1900.
6. Архив провинции Цзилинь (АПЦ). Ф. J004, оп. 01, д. 0208. 12 день 4 месяца 25 года Гуансюй (21 мая 1899).
7. *Василенко Н.А.* Первые русские учебные заведения в Маньчжурии // Вестник ДВО РАН. 2000, № 2. С. 61–69.
8. *Дацьишен В.Г.* (1) Изучение русского языка в Китае в конце XIX — начале XX вв. // Сборник материалов 43-й научной конференции «Общество и государство в Китае». Ч. I. М., 2013. С. 577–586.
9. *Дацьишен В.Г.* (2) Русские китаеведы XVIII — начала XX вв.: преподаватели и составители словарей (краткий библиографический справочник) // Архив российской китаистики. Под ред. *А.Р. Вяткина*. Т. I. М.: «Наука», 2013. С. 532–550.
10. *Еропкина О.* Русские и китайские школы на КВЖД. 20-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 3. С. 132–138.
11. *Карнаух Н.В., Ху Мин.* Россия и Китай: исторические аспекты сотрудничества в области высшего образования // Вестник науки Томского государственного университета. 2011. № 2 (5). С. 234–237.

12. Краткий обзор деятельности Учебного отдела дороги // Экономический вестник Маньчжурии. 1923, № 23–24. С. 16–19.
13. *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далёкая и близкая. М.: «Наука», 1991. 319 с.
14. *Поляков Д., Эльтеков Б.* Железнодорожные школы для детей граждан СССР // Вестник Маньчжурии. 1930, № 8. С. 33–43.
15. Русско-китайские отношения. Официальные документы. 1689–1916. М.: Изд-во «Восточная литература», 1958. 140 с.
16. *Рыкачёв В.* Русское дело в Маньчжурии // Русская мысль. Кн. 8. 1910. С. 122–140.
17. *Филалковский П.* В его стенах мы были молодыми. Харбинскому политехническому институту 75 лет // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 115–118.
18. *Филитович К.* Советские и китайские школы на КВЖД // Вестник Маньчжурии. 1926, № 5. С. 27–39.
19. *Штейнфельд Н.* Русское дело в Маньчжурии. С XVIII в. до наших дней. Харбин: Русско-китайско-монгольская типография газеты «Юань-дун-бао», 1910. 208 с.
20. Бэйцзин ши чжигао, вэньцзяо чжи (Очерки по истории города Пекина. История литературы и образования). Т. IV, шан цэ. Пекин: Бэйцзин яньшань чубаньшэ, 1998. 616 с.
21. Вайцзяобу эвэнь чжуаньсюгуань гуйчжан (Устав Специального училища русского языка при Министерстве иностранных дел). Пекин, 1912 // Китайская государственная библиотека, зал древних актов. Шифр хранения: 53764.
22. *Ван Тинтин.* Цинчао гонэй сюэтан чжун телу жэньцай дэ пэйян (Подготовка железнодорожных кадров в учебных заведениях в Китае во время династии Цин) // Нэймэнгу нунье дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань). 2011, № 2. С. 323–324, 336.
23. Да цин сюаньтун чжэньци шилу (Хроника правил поведения для чиновников правления Сюаньтун Великой Цин). Т. I. Тайбэй: Синьвэнь чубаньшэ, 1978. 619 с.
24. *Дуань Хайлун.* Вань цин телу цзяоюй юй цзинсуй телу цзяньшэ (Железнодорожное образование в поздние годы династии Цин и строительство железной дороги Пекин–Суй[юань]) // Кэсюэ. 2015, № 9. С. 55–59.
25. *Ма Гуйцзюнь.* Цянь бэйцзин вайцзяобу эвэнь чжуаньсюгуань пяньдуань (Фрагмент [истории] предшественника Специального училища русского языка при Министерстве иностранных дел) // Вэньши цзыляо цуньгао сюаньбянь. Цзяоюй. Т. 24. Пекин: Чжунго вэньши чубаньшэ, 2002. С. 813–814.
26. *У Юйлунь.* Цинмо дэ телу цзяоюй хэ телу сюэтан (Железнодорожное образование и железнодорожные училища в поздние годы династии Цин) // Шаньси шифань дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань). 2005, № 1. С. 116–120.
27. Цзинши шэли эвэнь сюэтан мулу (Каталог [документов] об учреждении в Пекине Школы русского языка). Цэ 1. Пекин, 1899–1908 // Китайская государственная библиотека, зал древних актов. Шифр хранения: 73463.

28. Цзиньдай лайхуа вайго жэньминь цыдянь (Словарь имён известных иностранцев, посещавших Китай в Новое время). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1981. 642 с.

29. Цин ши гао (Черновая история династии Цин). Т. 16. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1976. 4425–4699 с.

30. Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Сюэчжи яньбянь (Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Эволюция системы образования) / Под ред. Чэнь Юаньхуна. Шанхай: Шанхай цзяоюй чубаньшэ, 2007. 1121 с.

31. Чэнь Цзесунь. Эвэнь фачжэн сюэюань цзици цяньшэн (Юридическо-политический институт русского языка и его предшественник) // Вэньши цзыляо цуньгао сюаньбянь. Цзяоюй. Т. 24. Пекин: Чжунго вэньши чубаньшэ, 2002. С. 171–175.

32. Шан Минся. Цин мо мин чу шици эюй цзяоюй цзай Чжунго дэ фачжань чутань (Первичный анализ преподавания русского языка в Китае в поздние годы династии Цин и ранний период Китайской Республики) // Сюэ лилунь. 2014, № 30. С. 109–110.

33. Янь Годун. Эго ханьсюэ ши (История российского китаеведения). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2006. 731 с.

*P.A. Lapin**

Peking Russian language school under the China-Eastern Railway

ABSTRACT: In the late 19th and early 20th century Russian language and interpreting schools were established by Chinese authorities everywhere in this Empire for the purpose of the ensuring of the Chinese foreign policy towards Russia. Generally, these kinds of education bodies were opened through intermediary of the Russians who were in China, and some of them were appointed to these schools as teachers. Important initiative of the capital's officials was the establishing of the Russian language school under China-Eastern Railway. The school trained Russian language interpreters that were very needed for a normal functioning railway infrastructure. This education body was one of the best in the history of the training of the Russian language experts in China, and It worked very well after revolution in China in 1912.

KEYWORDS: the Qing Empire, Russian language in China, foreign education, Russian-Chinese humanitarian ties.

* Lapin Pavel Andreevich, PhD (History), Head of the Humanitarian cooperation and Mass-media office of the Russian Embassy to China; E-mail: waijiao2000@mail.ru